

КУЛЬТУРА И МИР

Сборник статей

**по материалам Международного научного
форума 7-8 октября 2008 года**

Мировое развитие как процесс развития культуры: к вопросу о формировании нового видения человеческой деятельности

При всем многообразии понимания феномена культуры, мир культуры – это системное единство, сущностная взаимосвязь всех основных элементов, аспектов, слоев человеческой жизнедеятельности, мера реального присутствия человека в мире. Понятно, что размышления о культуре так или иначе сопрягаются с мировоззренческими проблемами, в первую очередь, с категорией картины мира. Понимая мировое развитие как процесс эволюции культуры, размышляем, прежде всего, о присущей ей картине мира.

В соотнесении с картиной мира культура понимается предельно широко: «как сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания; форма созидания и выражение человеческой природы, экзистенциально ориентированный «массив» способов и результатов деятельности людей, в которых воплощается, утверждается и развивается человеческая духовность; как «духовный генофонд», обеспечивающий самотождественность и целостность социума» (Запесоцкий, Марков 2007: 15).

Только такое истолкование культуры способно понять ее как универсальный способ взаимодействия человека, общества и реальности, а важнейшей характеристикой этого взаимодействия выступает категория картины мира. Подчеркнем, что такое понимание культуры, в свою очередь, соотносится с вполне определенным видением культурологии в качестве своеобразной метануки, вырастающей на основе органической интеграции результатов и методов других гуманитарных наук. Сама культура представляется как определенным образом организованная картина мира, некое упорядоченное целое.

Картину мира можно определить как возникающую в итоге жизнедеятельности человека и общества совокупность образов реальностей, существующих в самых разнообразных воплощениях, но представляющих собой внутренне единую, целостную, упорядоченную, имеющую свою логику, знаково-символическую систему. Отражая под определенным углом зрения окружающую действительность, картина мира существует в пространстве мировоззренческих (рациональных и иррациональных, сознательных и бессознательных) моделей определенного исторического периода.

Культурологи исходят из того, что каждая историческая эпоха несет в себе пусть сложную, противоречивую, но типологически определенную картину мира, отражающую существенные свойства изучаемого периода. Можно говорить о системообразующих параметрах такой картины. Так, в основе античной модели – живой, пульсирующий, напоенный мифологическими энергиями космос (космоцентризм). Европейское средневековье строится вокруг идеи Бога (теоцентризм), Возрождение – вокруг самодовлеющей, одинокой, самоутверждающейся человеческой личности, отбросившей внешние и внутренние запреты (антропоцентризм). В центре раннебуржуазной эпохи – человек, превративший природу в склад сырья, орудий и материалов, в объект эксплуатации.

Современность дает многообразие мировоззренческих моделей: «картина мира» телевидения, «картина мира» «массового общества» или молодежной культуры, свою картину мира строит Интернет и т. д.

Предельным вариантом осмыслиения картины мира выступает философское знание. Каждый крупный мыслитель полагает в основе истолкования реальности какое-то начало, выступающее как системообразующий фактор. У Платона это – бестелесные сущности, которые он назвал «идеями», у французских материалистов XVIII века – «природа», у Маркса – социально-историческое бытие человека, у Ницше – «воля к власти», у Фрейда – «либидо».

Сегодня системообразующим началом все явственнее становится культура. Можно говорить о культурологизации современной картины мира, сосредоточении фокуса внимания мыслителей на культуре. Об этом весьма точно в свое время писал последователь М. М. Бахтина, крупнейший философ – культуролог В. С. Библер: «В XX веке феномен культуры – и в обыденном его понимании, и в глубинном смысле – все более сдвигается в центр, в средоточие человеческого бытия, пронизывает (знает ли человек об этом или нет...) все решающие события жизни и сознание людей нашего века» (Библер 1991: 261).

В понимании культуры истинной находкой для нас стала встреча с личностью и творчеством великого русского ученого Д. С. Лихачева, над осмыслением наследия которого работает СНБО УИ (См.: Запесоцкий 2007). Предлагаемые нами контуры культурологии сформулированы в результате многолетнего осмысливания научного творчества Д. С. Лихачева. Сегодня очевидно, что основная направленность мысли ученого изначально находилась в пространстве культурологической парадигмы, и даже его научные изыскания в конкретных областях знания носили по существу культурологический характер.

Д. С. Лихачев понимал культуру как основание человеческого бытия, духовный базис общества, считал, что не экономика, не политика, а именно культура определяет исходные параметры исторического развития. Если природная среда обеспечивает человеку его биологическую жизнь, то культурная среда необходима для духовной, нравственной жизни, составляющей, по Лихачеву, ценностную основу подлинного человеческого существования. Ученый подчеркивал целостность культуры, которая была в его понимании органически связана с целостностью культурологической мысли. И язык, и искусство, и религия, и философия, и быт, и нравы, и многое другое – все это составляет предмет культурологии, но постижение всего этого важно не само по себе – оно позволяет глубже познать то целое, что скрывается за всем этим и выступает в качестве сущностной основы многообразия явлений: «Мне представляется чрезвычайно важным, – писал ученый, – рассматривать культуру как некое целостное органическое явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры традиции, законы взаимоприближения и взаимоотталкивания. Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальных» (Лихачев 2006: 350). И еще: «Культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации» (Лихачев 2006: 349).

Культоцентризм Д. С. Лихачева носил принципиальный характер. Он видел в культуре сосредоточение основополагающих гуманистических ценностей народа. В историческом процессе культура выявляет духовно-нравственный смысл истории нации. Согласно Лихачеву в истории культуры можно проследить непрерывное взращивание человечности. Дикость и варварство периодически уничтожают культуру, нередко гибнут целые цивилизации – но гуманистическое начало все время прорастает, как трава через асфальт. Если культура лежит в основе общественного развития, экономика, политика, право выступают как подсистемы культурного.

Мировое развитие, понятое как процесс развития культуры, ведет к принципиально новому пониманию истории. Выдающийся нидерландский мыслитель Й. Хейзинга не просто подчеркивал тесную связь истории и культуры, но отмечал основополагающую роль последней, считая, что историю во все времена взращивала прежде всего жизнь и культура, а не школа и университет (ни сколько не умоляя значения последних): «Историография произрастает там, – писал Хейзинга, – где находится центр данной фазы культуры: на агоре, в монастыре, при дворе, в шатре военноначальника, в кабинете министров, в газетной редакции» (Хейзинга 1997: 235). И даже став в XIX веке академической дисциплиной, история не утратила связь с культурой, в противном случае, она лишилась бы своей национальной почвы. Истории культуры принадлежит сегодня особая роль, ибо, по мнению Хейзинги, она «затрагивает в своих

суждения глубинное и общее» (Хейзинга 1997: 225).

Понимание культуры как универсального отношения между человеком и миром, обращает наше внимание к категории человеческой деятельности.

В 60-70-е годы прошлого века в отечественной философии, социологии, психологии стало складываться направление, которое обозначало себя как «деятельностный подход» (Э. В. Ильенков, Ю. Н. Давыдов, Г. С. Батищев, А. Н. Леонтьев). Оно базировалось на творческом истолковании идей из впервые опубликованных тогда ранних рукописей К. Маркса. Суть этого подхода заключалась в предельно широком истолковании категории деятельности. Все формы и способы присутствия человека в мире, его трудовая и социальная активность, жизнь науки, искусства, философии, историческое бытие поколений интерпретировались в качестве универсального процесса человеческой деятельности. Живая активность поколений, их деяния «определялись» в вещах, орудиях труда, произведениях искусства. В свою очередь, задачей следующих поколений было освоить этот созданный усилиями предшественников мир, превратить его в новое творчество, новые возможности. «Деятельностный подход» утверждал приоритет деятельности в объяснении человека.

Культуроцентристская парадигма позволяет радикализовать возможности деятельностного принципа, рассматривая всю активность человека, ее процесс и ее результаты как деятельность в культуре. Это связано с преодолением «вульгарно-материалистического» видения мира, пониманием особой роли культуры в современном мировом развитии, о чем мы говорили в СПбГУП на заседании круглого стола «Культурология как наука: за и против» 13 февраля 2008 года. Сегодня именно культура, понятая как ценностная основа человеческого бытия, его духовно-смысловой базис выступает в качестве живой, порождающей силы деятельности. Деятельность творит прежде всего культуру, т. е. живую целостность человека, его ценностные измерения.

Мода и реклама, бизнес и политика, досуг и спорт, искусство и быт – все это входит в картину мира современного человека, все концентрируется вокруг идеи культуры, и может быть прочитано как явление культурного порядка. И в этом, видимо, содержится еще одна перспектива культуроцентристского подхода.

Библиография

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991. – С. 261.
2. Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007.
3. Запесоцкий А. С., Марков А. П. Становление культурологической парадигмы. – СПб., 2007. – С. 15.
4. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб., 2006. – С. 350, 349
5. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. – М., 1997. – С. 235, 225.